

Гилязова О.С.,
г. Екатеринбург

РОЛЬ ПРИСТРАСТНОСТИ И ПРИЧАСТНОСТИ В КОНСТИТУИРОВАНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Научное познание (любого рода – и естественнонаучное, но особенно гуманитарное) обречено сталкиваться с онтологической и гносеологической проблематикой, когда выходит к своим основаниям. Познание же изначально аксиологично, как аксиологична и познаваемая им действительность.

Действительность – всегда аксиологична, ценностно окрашена. Действительность – это не только *что-то*, но и *для кого-то*, и всегда *чья-то*. Она не только интенциональна, но и личностна. Действительность оценивают в качестве действительности на основе собственной аксиологической (которую считают онтологической) оценки.

Дело в том, что сама по себе действительность безразлична, и отношение к самой действительности как к понятию – беспристрастно. Чаще всего, это высший статус, который присваивают только тому, что отвечает всем строгим требованиям, предъявляемым этим статусом: быть взаимправдашним, очевидным, подлинным, общезначимым, проверяемым, – всему этому ещё находят критерии, хотя очевидность очевидного не уловить, по крайней мере, уловить не раньше, чем оно стало неочевидным (но тогда и улавливать нечего). Хотя действительность – это очевидность, но очевидность оценивают в качестве очевидности за счет собственных предпочтений (показательным в этой связи является пример Декарта, для которого «последней» очевидностью, далее которой сомневаться невозможно, стало самосознание: онтология находит свое безусловное и последнее основание в гносеологии).

Проблема в том, что наше представление о действительности фактически (без всякого солипсизма) и составляет нашу действительность,

скорее даже не представление, а желание, в котором сущностней, нежели в отвлеченности представления, сказывается наша человеческая природа. Доказательства этому мы найдём на примере сновидений (для которого галлюцинации – реальны) и даосизма (для которого, напротив, реальность – галлюцинаторна).

Сновидения могут рассматриваться как пример иллюзорности нашей погружённости в наши действия. Сновидение серьёзно, точно к реальным, относится к иллюзорным вещам. Это активная серьёзная деятельность без объектов (физически реальных). Даосизм же относится к реальным вещам как к иллюзорным (бездеятельность в присутствии объектов). Не поддаваясь, не обманываясь «давлением вещей» (фактически – их реальностью), не соблазняясь ими, он низводит их в ранг как бы несуществующих. Отсутствием привязанности, желаний и пристрастий по отношению к вещам и людям даосист как бы устраняет их для себя, хотя они продолжают окружать его.

Привязанности, пристрастия, предубеждения, желания, отторжения, ненависти и любви – всё это привязывает нас к миру, делает его значимым для нас, оплотняет его, придаёт объем и содержание его иллюзорности и поверхности. Возможно, именно время не даёт простор произвольности, сцепляет причинно-следственной связью события. Но вдыхает жизнь в это, материализует события не время, а наша собственная пристрастность. Наше безразличие обескровливает самую реальную реальность, расправляется с ней как пробуждение – с кошмарным сновидением. Достаточно понять, что мы только спим, вообразить себе это. Ведь и во сне понимание, что мы спим, отнимает половину, если не всё очарование заправдошностью сновидения. И явь так же потускнеет. Это поможет, хоть и субъективно, избавиться, если не от самих страданий, но от их мучительности. И тут же станет хорошо. Как настоящему буддисту или безмятежному, вечно блаженному идиоту. Но разве мы живем только для того, чтобы нам было хорошо? Право же, жить для этого, вернее, *только* для этого – как-то совестно. Может это и

правильно видеть в любимых людях (и вещах) – только иллюзии, может быть и в самом деле мы все, как и весь мир – не более чем Майя, иллюзия. Но все ли окружающие и всё ли окружающее заслуживает этого? Пусть весь мир в самом деле – только иллюзия, но стоит ли отнимать настоящесть у своих близких? Сколь она ни была надуманной, но отнимать её... – не значит ли уподобиться вурдалаку и высасывать если не кровь и жизнь, то реальность существования, ведь равнодушие к ранее любимому, отнимая его значимость, делает его чуть ли несуществующим. Разве что только время может быть если не могущественнее привязанностей, то и не слабее их. Иначе отчего время столь ревниво к ним? Почему соперничает с нашими привязанностями любыми средствами? Что с того, что желания и пристрастия создают миры? Время оставляет одни обломки! И если привязанности выдают иллюзорный мир за действительный, то время поступает бесстыднее: оно обнажает иллюзорность самых привязанностей.

Реальность нашей пристрастности оказывается единственной нашей действительностью, из которой выбраться также сложно, как выскочить из самого себя, т.к. своей пристрастностью и причастностью (в т.ч. и невольной) мы конституируем для себя ту действительность, в которой и которой живём. Именно подобного рода вовлеченность личностного существования, причастность человека происходящему (и жизненная заинтересованность в происходящем), позволяющая характеризовать внеположную ему реальность в качестве действительности, нередко переносится на иные, зачастую откровенно условные реальности. Полного смещения, конечно, не происходит, пока осознается основополагающее, не нивелируемое значение действительности как *реальности, властно требующей от человека не просто причастности ей, а той ответственной причастности, эрзац освобождения от которой мы ищем в несколько безответственной, ни к чему не обязывающей (игровой) причастности условным, например, компьютерным (иммерсионным), реальностям.*

И современные VR-технологии, конструирующие иммерсионные реальности, на новых основаниях актуализируют «эпистемологическое сомнение» Декарта, который ничем другим не мог обосновать существование объективной реальности кроме существования Бога, который не будет нас обманывать и выдавать какую-нибудь сноподобную реальность за объективную реальность. И до сих пор у нас нет прямых и неопровержимых доказательств, что наша наличная реальность действительности не является некоего рода иммерсионной реальностью, с которой пока безуспешно пытаются конкурировать ее многочисленные дигитальные двойники. Эту тему любят обыгрывать фантасты.

Впрочем, даже если признать основательность «глобального скептицизма» относительно объективного существования внешнего мира, тем не менее, условия нашего существования, как физические, так и социальные, делают этот скептицизм, каким бы эпистемологически оправданным он ни был, несовместимым с ежедневным опытом нашей жизни. С действительностью вынуждены считаться не столько как с реальностью, чей объективный статус не может подлежать сомнению, а как с реальностью, которой приходится жить для того, чтобы иметь возможность выжить (не только в физическом, но и социальном смысле). Как солипсисту приходится наталкиваться на давление внешнего мира, чье объективное существование он отрицает, так и любой нигилист или девиант вынужден сообразовываться с нормативным давлением, как бы ни отрицал его правомерность, и как бы ни была основательна эта критика.

Конечно, действительность может обнаруживать черты симулятивности, оборотной стороной которой выступает ностальгия по «подлинному», реальному, непреходящему, призывы возвращения к истокам: недоверие к настоящему оборачивается фетишизацией прошлого. Однако, обнаруживая свою симулятивность, действительность, вопреки крайнему мнению Бодрийера, не сводится к ней, именно в силу того, что нам приходится достаточно серьезно считаться, даже жить этой

симулятивностью, предстающей «невыносимой тяжестью бытия», а не только играть с ней, как, например, в компьютерной имитационной реальности или игре.

Таким образом, максимальный до безусловности и несомненности эффект реальности (связанный не только со способностью обманывать более чем один, два – зрение и слух – канала восприятия), какого никакой виртуальной и/или художественной реальности не произвести, оказывает именно действительность, по крайней мере, в глазах пребывающего в ней. В классической онтологии это объясняется ее онтологическим статусом физически объективной реальности, предоставляющей возможность для полнотелесного присутствия в непосредственности совместного бытия с другими. Но главное, данное превосходство действительности обусловлено ее давлением – физическим (материальным) и социальным, чье «императивное присутствие» (по выражению П. Бергера и Т. Лукмана) невозможно игнорировать или ослабить, можно лишь попытаться сбежать – в болезнь или даже смерть.

Заболотная Г.М.,

г. Тюмень

ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВА В ПОСТКЛАССИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ

Отношение к пространству в социальной теории было и остается противоречивым. В силу признания самоочевидности пространственной локализации социальных явлений пространство часто оказывалось вне научного анализа. По признанию западного социолога Р. Ли Эллена, «маргинальное положение пространственного языка» в современной социальной науке не может не вызывать озабоченность, если учитывать, что пространство является условием самой возможности жизни: «Ничто не может избежать пространства; жизнь не может быть прожита и воображена без него» [1; 253].